

ПОДЛИННОСТЬ И ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ

По состоянию на 1 ноября 1994 года, к Конвенции по Всемирному наследию присоединилось 139 государств, поэтому она является наиболее универсальным юридическим инструментом в мире в области консервации. Из общего числа 411 объектов культурной собственности 306 памятников и других культурных комплексов были включены в Список Всемирного наследия.

При изучении распределения памятников оказывается, что существует серьезный дисбаланс в Списке Всемирного наследия с точки зрения представления различных культурных регионов мира, типов культурной собственности и исторических периодов.

Для того, чтобы исправить это положение, Центр Всемирного наследия, ИККРОМ и ИКОМОС обратились к международной научной общественности с просьбой высказаться по поводу критериев включения в Список Всемирного наследия объектов культурной собственности с учетом ее подлинности, что является основным требованием для номинации памятников.

Задача данной статьи – высказать свое суждение по теме подлинности в системе понятия «Всемирное наследия» по трем главным направлениям:

- провести ретроспективный анализ применения концепции подлинности в рамках Конвенции по Всемирному наследию;
- провести несколько наиболее ярких примеров, иллюстрирующих понятие подлинности;
- выработать некоторые указания, которыми следует руководствоваться при обращении к понятию «подлинности» в объектах культурного Всемирного наследия для включения их в Список.

Объекты культурной собственности будут включены в Список Всемирного наследия только в том случае, если они соответствуют «тесту на подлинность». Это требование было впервые выдвинуто на первой сессии Комитета по Всемирному наследию в 1977 году.

* Бернд фон Дрост (Bernd von Droste) – директор Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО. Специалист в области природного наследия, не протяжении длительного времени занимает ответственные административные посты в структуре международных организаций. Ульф Бертильсон (Ulf Bertilsson) – шведский археолог, специалист по наскальному искусству, Главный департамент национальных древностей Швеции. Сотрудничает с Центром Всемирного наследия. Данный доклад входил в число пяти ключевых докладов, открывавших конференцию в Наре.

В повестку дня первой сессии был включен главный пункт о необходимости сформулировать критерии для внесения объектов собственности в этот Список. В качестве основы для дискуссии послужили рабочие документы, но даже в то время уже возникали споры по поводу смысла концепции подлинности. Об этом можно судить по следующему параграфу в отчете совещаний: «Некоторые участники не согласились с предложенной интерпретацией концепции подлинности и полагают необязательным охранение первоначальной функции памятника, поскольку для сохранения зачастую приходилось использовать его для других целей». И далее: «Должное внимание следует уделить понятию «развивающейся подлинности», т. е. тем зданиям и конструкциям, которые хотя и были модифицированы на протяжении времени, но частично сохранили первоначальный замысел».

На третьей сессии Комитета в 1979 г. обсуждались поправки к критериям оценки Всемирного наследия и также «Важнейшие направления осуществления Конвенции по Всемирному наследию». Сессия подтвердила: «Подлинность культурной собственности остается важным требованием».

Четвертая сессия Комитета состоялась в Париже в 1980 г. На ней были пересмотрены «Важнейшие направления...» для выполнения условий Конвенции по Всемирному наследию. Что касается требования подлинности, то сессия внесла следующие поправки: «реконструкция будет приемлемой лишь только в том случае, если она выполнена на основе полной и детальной документации об оригинале, а не на основе догадок и предположений».

Первоначальные намерения потребовать, чтобы «каждый объект собственности удовлетворял требованиям теста на подлинность», очевидно, ставили своей целью обеспечить соответствие памятников Всемирного наследия концепции подлинности как в историческом, так и в материальном смысле. По-видимому, это делалось для того, чтобы не допустить включения копий или полностью реконструированных зданий («современных подделок») в Список Всемирного наследия. Таким образом, включив подлинность в качестве основного требования в оперативные инструкции, можно было бы гарантировать, что памятники, входящие в Список, были созданы в определенный исторический период с использованием аутентичного материала. Одновременно это требование позволило бы ограничить возможное число выдвигаемых и уже включенных в Список объектов культурной собственности.

Однако это требование относится к идеальному случаю, когда государства, его учреждения или эксперты, ответственные за подготовку документов о памятниках для включения их в Список всемирного наследия, полностью осведомлены о

сформулированном требовании относительно подлинности. Как показывает анализ документов для 306 объектов культурной собственности, уже включенных в Список, большинство государств не совсем четко представляли себе, что означает «соответствие тесту на подлинность». Чаще всего этот вопрос вообще не поднимался, а в ряде случаев, когда информация все же предоставлялась, она была очень краткой и безапелляционной: «Подлинность памятника не вызывает сомнений».

Зачастую приводятся косвенные доказательства подлинности сооружения путем представления, одновременно с пакетом документов, обширных перечней научных публикаций. На основании этого можно сделать следующее заключение: большинство тех, кто готовит документы по памятникам культурной собственности для включения в Список Всемирного наследия, не до конца понимают смысл критерия подлинности. В связи с этим, комментарии или сведения в отношении этого аспекта остаются очень краткими и не способствуют общей оценке номинаций.

Поэтому не удивительно, что в отчете седьмой сессии Комитета по Всемирному наследию, состоявшейся в 1963 г. мы находим выражения такого рода: «... ряд критериев вызывает трудности в интерпретации... в особенности это касается... понятия подлинности».

Важнейшим поворотным моментом для будущего Конвенции по Всемирному наследию стала 16-я сессия Комитета, которая состоялась в Санте Фе (США). На этой сессии Комитет внес следующие дополнения в «Важнейшие направления...» (п. 24 «Важнейших направлений по осуществлению Конвенции по Всемирному наследию», 2-ое пересмотренное издание, 1994): «Каждый объект» культурной собственности должен соответствовать тесту на подлинность в замысле, в материале, в мастерстве и окружении, а применительно к культурным ландшафтам – в их характерных особенностях или компонентах. В этой связи Комитет подчеркнул, что реконструкция приемлема лишь в том случае, если она основана на полной и детальной информации об оригинале, а не в коем случае на предположениях и догадках.

Более детально проблема подлинности рассматривается в п. 27: «Группы городских зданий, подлежащих включению в Список Всемирного наследия, подразделяются на 3 главные категории:

1. Города, ныне необитаемые, но обладающие хороши сохранившимися археологическими свидетельствами прошлого; они, как правило, удовлетворяют критерию подлинности и состояние их консервации довольно легко контролируется;

2. Обитаемые исторические города, которые по своей природе развивались и будут развиваться под влиянием социально-экономических и культурных факторов. В этой ситуации оценка их подлинности затруднены и политика, направленная на их консервацию, более проблематична;
3. Новые города XX века, у которых, как это ни парадоксально, имеются общие черты с двумя первыми категориями: хотя их изначальная структура четко различима, а подлинность – неоспорима, будущее этих городов неясно, поскольку их развитие в основном неконтролируемо».

И действительно скорость изменения современного общества так быстро возрастает, что практически вышла из-под контроля. Поэтому мы можем оказаться в ситуации, когда многие современные и исторические города будут характеризоваться не только многообразием культур, но и мегакультурными влияниями и элементами. Возникает ситуация, основной особенностью которой будет недостаток подлинности, или более точно – недостаток однозначности в понятии подлинности.

Но давайте вернемся к сессии Комитета по Всемирному Наследию, состоявшейся в Санта Фе в 1992 году. На ней были приняты стратегические направления для реализации положений Конвенции. Одна из ее главных задач состоит в проведении мероприятий для поддержания репрезентативности и достоверности Списка Всемирного наследия, что предполагает уточнение и обновление критериев оценки природных и культурных объектов собственности, выдвинутых для включения в Список.

В результате в Санта Фе были приняты две рекомендации. Первая (№18) предлагает Центру Всемирного наследия пригласить группу экспертов для изучения Списка Всемирного наследия и поиска путей его совершенствования с тем, чтобы сделать Список более представительным. Проблема была рассмотрена группой специалистов в июне 1994 года в штаб-квартире ЮНЕСКО. Эксперты предложили отказаться от интерпретации культурного наследия, основанной, главным образом, на произведениях монументальной архитектуры, в пользу более широкой антропологической концепции. Они также высказались за изменения критериев в оценке различных культур. Все эти предложения исходили из ряда недостатков Списка Всемирного наследия: слишком широкой представительности памятников европейской культуры, исторических центров, объектов культурной собственности, связанных с религией, в особенности христианской, неадекватно представленных памятников доисторической культуры, а также наследия XX. В частности, отмечалось отсутствие в Списке памятников, представляющих народную культуру с ее живыми традициями. Резкой критике подверглась тенденция смещения в сторону монументального наследия. Месяц спустя последовала встреча экспертов по

вопросам Всемирного наследия в Канаде, где среди прочих обсуждался и вопрос и подлинности.

Вторая рекомендация Комитета в Санта Фе (№19) была сформулирована следующим образом: «Необходимо критически рассмотреть критерии оценки культурного наследия, а также понятий подлинности и целостности, имея в виду возможность их пересмотра».

В соответствии с этими рекомендациями, в начале 1995 г. в Бергене (Норвегия), было проведено предварительное совещание с целью подготовки конференции в Наре.

Следовательно, конференция в Наре вписывается в общий процесс придания динамики Конвенции по Всемирному наследию, в стремлении приблизить ее к многообразию мировой культуры и изучению концепции консервации, лучше адаптированной к возросшему интересу к этой области в других частях света как в настоящем, так и в будущем. В свете такой перспективы понятие подлинности следует рассматривать как открытую, гибкую концепцию, используемую индивидуально для каждого конкретного случая, с полным пониманием социально-экономического, экологического, культурного и исторического контекста.

Чтобы продемонстрировать трудности, которые могут возникнуть в случае попытки раз и навсегда установить критерии подлинности, нам бы хотелось привести несколько примеров, показывающих, насколько сложным может быть «тест на подлинность» для некоторых памятников, уже включенных в Список.

Исторический город Толедо (Испания)

Толедо представляет собой уникальный художественный памятник, в создании которого приняли участие несколько цивилизация. Он был римским городом, столицей королевства визиготов, крепостью эмирата Кордовы, форпостом христианских королевств, боровшихся в маврами, имперским городом при Карле V и столицей Испании до того, как ею стал Мадрид. В Толедо хранятся выдающиеся художественные произведения испанского Золотого века и искусства мудехар. Там работал Эль Греко, и в период готики и Ренессанса город имел значительное влияние.

У Толедо чрезвычайно сложная история, впитавшая в себя не только основные европейский культуры от эпохи римской античности до средневековья, но и архитектурные шедевры мавров. Уникальность Толедо связана с различными культурными традициями и контекстами. Его подлинность как исторического города является результатом этой длительной и сложной истории, или, выражаясь несколько иным образом, - отмечена отсутствием однозначно понято исторической подлинности.

Старый город Куско (Перу)

Город Куско (что в переводе означает «пуп земли»), расположен в Перуанских Андах на высоте 3600 м. Он являлся столицей империи инков и все еще сохраняет свою городскую структуру. Захваченных в 1536 году испанцами, Куско превратился в колониальный город резкой красоты, со множеством церквей и дворцов в стиле барокко. Он был построен на развалинах гранитных и андезитных стен индейского города, руины которого можно увидеть во многих местах.

По-видимому, Куско принадлежит к той категории городов, которые благодаря своему исключительному окружению, приобретают характерную пространственную планировку и архитектуру, отражающие все перипетии истории. В этом отношении Куско с его напластованиями строительных периодов, отражающих различные культуры и традиции, представляет собой пример своеобразной сложной подлинности, которая иллюстрирует смену исторических эпох и характеризуется наслоением сменявших друг друга цивилизаций.

Исторический центр Варшавы (Польша)

В августе 1944 г. более 85% города Варшавы было уничтожено. В период 1945-1949 гг. большие восстановительные работы проводились в ее историческом центре. Сооружения XVIII в. – церкви, дворцы, рыночная площадь были тщательно воспроизведены. Сегодня это является архитектурным свидетельством воли нации к сохранению своей культуры.

Пример Варшавы можно охарактеризовать как «экстремальную ситуацию, которая чрезвычайно затрудняет оценку подлинности и делает любую политику консервации проблематичной». В данном случае можно подвергнуть сомнению подлинность материалов, но не функции, формы или традиции. Включение Варшавы в Список Всемирного наследия рассматривалось как исключение из правил, требующих сохранения подлинной культурной собственности. Комитет Всемирного наследия сделал это исключение в знак признания уникального примера успешной реставрации, произведенной в послевоенный период.

Медина в городе Тунис (Тунис)

Медина в Тунисе богата историческими памятниками. Порядка 700 памятников – дворцов, мечетей, мавзолеев, медресе, фонтанов и жилых зданий – насчитывают в своей истории двенадцать веков.

Этот пример выбран для иллюстрации монументальных архитектурных достижений арабской культуры в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В этом смысле Медина чрезвычайно подходит для интерпретации культурной традиции, отличной от

европейской. Это очень хороший пример архитектуры, несомненно обладающей подлинностью. Однако в данном случае подлинность понимается, прежде всего, как сохранение изначального местоположения, функции и композиции архитектурного ансамбля, а не как подлинность материалов.

Приведенные выше примеры представляют произведения традиционной архитектуры, выполненной из камня. Но как известно, большинство сооружений в мире не обладают монументальными качествами, во всяком случае в европейском или колониальном смысле этого понятия. Большую часть архитектурных произведений в национальных культурах Северной и Южной Америки, Африки, Австралии и районов Тихого океана можно квалифицировать как «народная архитектура», несмотря на то, что часто здания возводились из «монументальных» сооружений. Их «народность» коренится более в аспектах замысла, материала и техники, нежели в характере функции и духа. Однако, как указывалось в трудах Бергенской конференции, четкой разграничительной линии между монументальной и «народной» архитектурой не существует. Другие примеры из Списка Всемирного наследия, которые мы хотели привести, иллюстрируют другой ряд проблем, предполагающих более гибкое применение концепции подлинности.

Первый пример «народной» архитектуры – поселение Нинстинтс или остров Энтони (Канада), которое также упоминается Хербом Стовелом в его статье «Заметки о подлинности», представленной на Бергенской подготовительной конференции.

Остров Энтони (Канада)

Деревня Нинстинтс на острове Энтони с ее жилыми зданиями, 32 тотемами и погребальными столбами, была покинута жителями в конце XIX в. Этот ансамбль дает уникальную возможность представить жизнь и деятельность народа хайда и рыбаков, которые когда-то населяли северное побережье Тихого океана.

Основными элементами комплекса являются деревянные постройки, жилые здания и различные типы тотемных столбов, которые сильно разрушились с течением времени. В связи с этим в 50-х годах был предложен проект спасения тотемных столбов. Однако исходя из нашей «евроцентристской» позиции интересно узнать, что этническая группа людей, первоначально населявшая эту деревню, вкладывала несколько иной смысл в понятие подлинности, уделяя больше внимания критериям поддержания культуры и традиций, нежели материала.

Традиционные постройки Ашанти (Гана)

Другим примером, которым мы воспользуемся, чтобы осветить проблемы, связанные с «народной» архитектурой, служат постройки племени Ашанти в Гане. Многие из них

были монументальными по функции, но «народными» по методам и материалам, используемым при строительстве, поскольку они в основном построены из земли, дерева и соломы. Это, конечно, способствовало их быстрому разрушению

Следы великой цивилизации Ашанти, достигшей своего расцвета в XVIII веке, можно обнаружить к северо-востоку от Кумаси. Время и погодные условия постепенно разрушили там постройки, созданные из недолговечных строительных материалов.

Эти сооружения не обладают таким запасом прочности, как большинство архитектурных памятников, внесенных в Список Всемирного наследия, для которых камень послужил основным строительным материалом. Тем не менее, традиционные постройки Ашанти создавались практически с теми же самыми целями. Разумеется, возникают серьезные трудности, связанные с предотвращением ухудшения их состояния и разрушения; однако подлинность этого ансамбля несомненно остается очень высокой.

Буддийские памятники в районе Хорюдзи (Япония)

В префектуре Нара, в районе Хорюдзи (Ногучи-дзи) находятся порядка 48 буддийских памятников. Эти подлинные шедевры деревянной архитектуры являются старейшими такого типа в Японии. Одиннадцать из этих памятников были построены до или в период VIII в. и отмечают собой важный этап в истории искусства и религии. Они свидетельствуют о влиянии китайской буддийской архитектуры и религии на японскую культуру, поскольку строительство этих сооружений совпало со временем принятия буддизма в Японии.

Буддийские памятники Японии выбраны в качестве примера или символа деревянной архитектуры, представляющей в настоящее время небольшую, но постоянно растущую группу памятников, внесенных в Список Всемирного наследия. Среди других можно назвать ганзейский город Берген, церковь в Урнесе и шахтерский город Рерос в Норвегии; город Раума в Финляндии и погост в Кижках (Карелия, Российская Федерация). Эти памятники представляют архитектурную традицию, которая в различных аспектах демонстрирует примеры действительной подлинности.

Работы по поддержанию и консервации памятников в Хорюдзи проводились непрерывно на протяжении тринадцати веков, вначале при поддержке императорского дома, а в последнее время – правительства Японии. Крупномасштабные работы проводились в Хорюдзи в XIII и дважды в XVII веках.

Дополнительные работы велись также в три этапа в период с 1895 по 1985 год. Они включали в себя два типа работы – полную или частичную переработку, ремонт и реконструкцию, мелкие починки и подновления.

Может возникнуть вопрос, совместимы ли эти вмешательства с главной идеей статьи 11 «Венецианской хартии»¹. Кнут Ларсен в своей работе «Сохранение архитектурного наследия в Японии»² дает осторожный утвердительный ответ только при определенных условиях. Он пишет, что определяющим моментом является оценка характера и степени удаляемости фрагментов деревянных сооружений. Если это делать произвольно, то японский метод реставрации представляется неприемлемым. Однако далее он продолжает: «Сложная процедура получения разрешения на внесение изменений в существующее состояние исторического здания в Японии полностью соответствует статье 11 «Венецианской хартии».

В заключение можно сказать, что на концепцию «консервации и реставрации монументальной архитектуры» глубокое влияние оказала «Венецианская хартия», принятая ИКОМОС в 1964 г. «Венецианской хартии» предшествовала «Афинская хартия» 1931 г.³. И хотя «Венецианская хартия» служила важнейшим руководством по консервации наследия, а многие из ее основополагающих принципов и правил несомненно останутся ценными в будущем, однако спустя 28 лет может настать время для пересмотра ее философской концепции. По-видимому, в то время интересы хартии концентрировались, главным образом, на проблемах сохранения монументальной архитектуры, выполненной из камня. Поэтому «Венецианскую хартию» неоднократно критиковали за излишний «евроцентризм», за недостаточную открытость культурам других регионов мира. Независимо от того, является ли эта критика справедливой или нет, необходимо безотлагательно пересмотреть философию консервации с учетом совершенствования в области изучения и понимания других культур, а также развития стандартов в консервации наследия, которых достигло мировое сообщество в течение 90-х годов и его потребностей в XXI веке.

Трагические события последних десятилетий – многочисленные региональные и местные вооруженные конфликты, этническая и религиозная вражда, заставили миллионы людей покинуть свои дома, что привело к разрушению их культурного наследия и традиций. Кроме того, интенсивная миграция, происходящая в мирное время как внутри государств, так и между странами, регионами и континентами земного шара, вырывает корни и отчуждает людей от своего культурного наследия, и вместе с мощными глобальными системами информации и связи превращает мировую культуру в нечто однообразное и безликое. В конце концов, это будет способствовать появлению новой концепции многообразия культур во Всемирном наследии, со сложными элементами подлинности.

В основе многолетних споров по поводу понятия подлинности лежит ожидание того, что когда-нибудь раз и навсегда станет возможным сформулировать ее «истинное значение». Однако судя по объектам культурной собственности, уже внесенным в Список Всемирного наследия, этого никогда не случится, да и не является желательным. В реальной жизни каждый памятник обладает собственной подлинностью. Возможно, было бы более правильно признать, что нет и никогда не будет однозначной концепции подлинности. Вместо того, чтобы пытаться приспособить мировое культурное наследие к существующей узкой доктрине аутентичности, давайте попытаемся превратить ее в понятие, охватывающее все различия в культурах, в способах выражения в архитектуре во всем мире, будь то монументальное или народное зодчество с его сооружениями не только из камня, но также из дерева, земли и других материалов. Таким образом мы сможем перейти от концепции подлинности, направленной только на сохранение материала и техники, к концепции, включающей в себя ноу-хау, природную и социальную окружающую среду, которые, в свою очередь, смогут защитить первоначальный замысел и дух сооружения, вложенный в него его создателем. Такой подход сделал бы более реальной перспективу всеобщего диалога, включающего в себя все многообразие культур мира, и привел бы к созданию более сбалансированного и справедливого Списка Всемирного наследия.

¹ Статья 11 «Венецианской хартии» гласит: «Наслоения разных эпох, привнесенных в архитектуру памятника, должны быть сохранены, поскольку единство стиля не является целью реставрации. Если здание несет на себе отпечатки многих культурных пластов, выявление более раннего пласта является исключительной мерой и может быть произведено при условии, если удаленные элементы не представляют интереса, если композиция после этого свидетельствует о высокой исторической, археологической или эстетической ценности, если состояние сохранности раскрываемого памятника признано удовлетворительным. Суждение о ценности таких элементов и решение о возможности их устранения не могут зависеть единственно от автора проекта». Цит. по тексту, опубликованному в юбилейном выпуске научного журнала ИКОМОС, посвященного тридцатилетию Венецианской хартии. См. *The Venice Charter/ Le Charte de Venise. 1964-1974. ICOMOS. Scientific Journal, №4, p. 182.* Перевод Н.О.Душкиной. Здесь приводятся переводы хартии на 29 языках мира, а также факсимильно воспроизведен фрагмент рукописного подлинника (*).

² Larsen K.E. *Architectural Preservation in Japan.* Tapir Publishers, Trondheim, 1994. Кнут Эйнар Ларсен, профессор Норвежского Технологического института в Тронхейме, доктор архитектуры. Специалист в области деревянной архитектуры, директор международных курсов по консервации дерева при ИККРОМе, ИКОМОСе и ЮНЕСКО в Норвегии. Является знатоком деревянного зодчества Японии. Был научным координатором конференции в Наре, а также научным редактором опубликованного сборника докладов и документов этой конференции. (*).

³ «Афинская хартия» реставрации. Имеется в виду итоговая резолюция Международной конференции экспертов по защите и консервации памятников, проходившая в Афинах в 1931 г. Не путать с «Афинской хартией» градостроительства, принятой на IV конгрессе СИАМ под эгидой Ле Корбюзье в 1933 году, также проходившем в Афинах. (*).

В работе также использовались следующие источники:

International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites, ICOMOS, 1966.1, «Венецианская хартия». (*).

Convention and Recommendations of UNESCO concerning the protection of the cultural heritage. UNESCO. 1985. (На рус. яз. см.: Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993) (*).